

ГРИГОРИЙ ЧХАРТИШВИЛИ

НО НЕТ ВОСТОКА И ЗАПАДА НЕТ

О новом андрогине в мировой литературе

Терминологическое неудобство

По частоте упоминания, или, как теперь говорят, «по рейтингу цитирования», строчки о Востоке и Западе из трескучей баллады Киплинга об украденной полковничьей кобыле сопоставимы разве что с монологом Гамлета, причем используются они для аргументации прямо противоположных установок. Давно ли в «ИЛ» был напечатан страшноватый роман Корагессана Т. Бойла «Восток есть Восток»¹, в котором талантливо доказывается, что нет, не понять им друг друга и не сойтись, даже в такой многонациональной и толерантной стране, как Соединенные Штаты Америки. И вот перед вами целый «Литературный гид», вознамерившийся уверить читателей в обратном.

Так есть Запад и Восток или нет? Понять им друг друга или не понять? Сойдутся они или не сойдутся (имеется в виду — раньше, чем Небо и Земля на страшный Господень суд)?

Прежде всего неплохо бы еще раз напомнить самим себе, что мы понимаем под Западом и Востоком, ибо здесь имеет место, по выражению С.Аверинцева, некоторое «терминологическое неудобство». Собственно, Восток — это всё, что по правую руку, когда стоишь лицом к Северу, а Запад, соответственно, — всё, что по левую. Посему для немца Восток — это Мекленбург и Бранденбург, для англичанина — Норфолк и Саффолк, китайцы же Уйгурию и Синьцзян называют Западным краем. Но что уж в Синьцзян ходить, возьмем лучше нашу Россию. Куда ее только не относят — то к Востоку, то к Западу, то она вбирает в себя все страны света («*Нам внятно всё*». А.Блок), то вообще выпадает из системы координат («*Мы не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу, и у нас нет традиций ни того, ни другого*». П. Чаадаев).

Но все же, невзирая на очевидную терминологическую эфемерность, Восток и Запад реально существуют, и мы, оперируя этими понятиями, в общем, держим в голове примерно одно и то же.

«...Несмотря на то, что история человечества едина, что в ней мы не можем выделить Восток как нечто обособленное, понятия Восток и Запад остаются в нашем представлении отдельными и в чем-то несоединимыми». Академик Ольденбург.

Попробуем провести инвентаризацию классических противопоставлений Востока и Запада. Для экономии места и из уважения к эрудированному читателю «ИЛ» сделаем это без лишних разглагольствований, в виде таблицы.

Запад	Восток
Мужское начало Ян	Женское начало Инь
Материя	Дух
Рационализм	Интуиция
В фокусе — деталь	В фокусе — целое
Примат индивидуализма	Примат коллективизма
Знает как	Знает зачем
Умеет жить	Умеет умирать

Таблица может быть продолжена до бесконечности, а также оспорена по каждому пункту, но суть не в этом. Главное здесь не конкретные антонимические пары, а сама *зеркальность*. «Восточное» — это то, что представлялось Западу чужим, непохожим, *экзотичным*. И, разумеется, наоборот. При этом понятие Востока, *настояще-*

¹ «ИЛ», 1994, № 8.

го Востока, для европейцев все время меняло меридиан, вслед за купцами, миссионерами и морскими пехотинцами перемещаясь в сторону Индийского, а затем Тихого океана. Ближний Восток для Запада — знакомство давнее, привычное, можно сказать, детское. Восток неближний (не путать с Дальним Востоком, ибо неближний Восток шире) — знакомство взрослое и потому воспринимаемое на усложненном уровне. Скажем так: Ближний Восток для западного человека — Шехерезада и Ходжа Насреддин, неближний — Упанишады и дзэнские коаны.

Что же касается самого Востока, то после средневекового выплеска агрессии (арабы-монголы-османы) он погрузился в нарциссическую апатию и Западом интересовался мало — до тех пор, пока мог себе это позволить. Лишь когда Европа стала ломиться в ворота, навязывая фабричные товары и свою импортированную с Востока же религию, ориентальный мир обернулся к Западу лицом. Именно с этого момента обозначилась несоединимость Запада и Востока. Именно с этого момента они начали соединяться и были сделаны первые шаги на долгом пути к созданию единого мира, единой мировой культуры и, что для нашего тематического выпуска представляет интерес приоритетный, *единой мировой литературы*. Только сейчас, в конце XX века, преодолен некий качественный барьер и появилась возможность говорить о литературе, для которой нет Востока и Запада, а точнее — нет границы между Востоком и Западом, потому что и левая, и правая стороны горизонта для писателей этого направления в равной степени родны и неэкзотичны. Об этом спецвыпуск журнала, об этом и статья.

Однако в новом культурном феномене нам не разобраться без экскурсии, пусть самой краткой, в предшествующий этап сближения Запада и Востока, который следовало бы назвать Периодом Преодоления Экзотизма.

Восток на Западе

Отличительная черта ориентализма как литературного направления и художественного приема — любовь к Востоку *издалека*, часто — любовь к Востоку вымышленному, идеализированному. Он предстает как метафора, как зеркало, с помощью которого Запад пытается разглядеть дефекты и несимпатичности собственной физиономии. Не раз Восток служил для западной литературы аргументом, доказывающим *неправильность* Запада. При этом сохранялась эмоциональная дистанция, отчужденность, даже если автор искренне симпатизировал Востоку и неплохо его знал. Чем ближе к нынешней эпохе тотальной информированности, тем глубже и точнее знание западного писателя о Востоке, но все равно литераторы этой плеяды оставаться (и остаются, если они еще живы) людьми оксидентальными, их ориентализм не врожденного, а благоприобретенного свойства.

Интерес к восточной культуре впервые зародился в Европе триста лет назад, когда при дворе Людовика XIV появилась мода на «шинуазери» — китайские вазы, ширмы, веера, садовые домики. В следующем столетии ориентальная тематика проникла в большую литературу (Монтескье, Вольтер, Гёте). Но Восток пока привлекает литераторов лишь в качестве камуфляжа или декорации, он нужен для аллегории и для изысканности. Вторая волна ориентализма поднялась в конце XIX века и докатилась до настоящего времени. На сей раз началось с моды на «жапонизм» (импрессионисты, «Чио-Чио-сан», «Гейша», Пьер Лоти и прочее), но с развитием научной ориенталистики, с появлением переводов философской и религиозной классики Востока любопытство сменилось глубоким интересом. Запад входил в эпоху усложненности, начинал уставать от прямолинейности и простодушного утилитаризма. Увлечение Востоком означало в первую очередь отторжение западных ценностей, бегство от них, причем в ряде случаев бегство вполне физическое и безвозвратное (Рембо, Гоген). В литературе провозвестники нового взгляда — Торо, Эмерсон, вообще круг американских трансценденталистов, для которых романтический (и все еще, разумеется, экзотический) Восток — уже не просто фигура антуража, а родина изначальных философских истин.

Впрочем, ориентализм как литературный стиль изучен и разложен по полочкам так основательно, что читатель наверняка не будет в претензии, если мы помянем лишь самые громкие имена, да и то в жанре конспекта.

Поминальник ориентализма (конец XIX — конец XX в.)

Герман Гессе. «Я добирался до Индии и Китая не кораблем и не поездом, туда нужно было искать магические мосты». Классический пример платонической любви к мифологизированному Востоку в духе *Ex Oriente lux*. Как известно, единственное очное соприкосновение писателя с Востоком (путешествие в Индию в 1911 г.) привело к жестокому разочарованию, и в дальнейшем путешествий в восточную реальность не было.

Эзра Паунд. «С Востока на Запад летят цветки абрикоса/ Я пытаюсь мешать их падению». Ориентализм как творческое кредо: смотреть на мир глазами чужого. «Восточная» поэзия, предназначенная исключительно западному читателю. Изобилие неточностей, мешанина из китайских и японских слов, имен и географических названий: «И тогда я буду тебя встречать/ На Долгом Ветренном Берегу, Тё-фу-са, Долгой реки, Тё-ка»¹.

Русский Серебряный век. Вследствие географической и исторической близости к Востоку ориентализм как литературное течение возник поздно, эхом западного «жапонизма». Подлинный интерес к Востоку как следствие Русско-японской войны. **Восток грозный, апокалипсический**: «Как саранча неисчислимы/ И ненасытны, как она...» (Соловьев); «Штабс-капитан Рыбников». **Восток манищий, экзотический**: «Восемь оней от Харрара я вел караван...» (Гумилев); «Гейши, девочки, малютки, вы четырнадцати лет...» (Бальмонт). **Восток лучезарный, спасительный**: трилогия Андрея Белого; «На нас ордой опьянелой/ Рухните с темных становой —/ Оживить одряхлевшее тело/ Волной пылающей крови» (Брюсов); «Туда, туда, где Изанаги читала «Моногатори» Перуну»² (Хлебников).

У.Б.Йейтс. «Меч рода Сато на моих коленях;/ Сверкает зеркалом его клинок...»³ Использование символики и эстетики Но, японская концепция театра как действия для посвященных.

Олдос Хаксли. Восточный мистицизм и индийская философия как Путь, альтернативный антиутопическому «дивному новому миру».

Дж.Д.Сэлинджер. Дзэн как жизненная и творческая парадигма. Санскритская поэтика и символика в «Девяти рассказах». Собственное творчество — траектория от хлопка двумя ладонями к хлопку одной ладонью, каковой длится (но, естественно, не звучит) вот уже четвертое десятилетие.

Наконец, Роберт Пирсиг, автор культового романа американских интеллектуалов 70-х годов «Дзэн и искусство ухода за мотоциклом». Впрочем, вряд ли в Соединенных Штатах наберется два миллиона настоящих интеллектуалов (а именно столько экземпляров книги было продано), так что приходится констатировать: сенсационный успех книги — дань моде, и круг купивших гораздо шире круга проникших. Пирсиг — непосредственный предшественник новых андрогинов, героев нашей статьи, ибо для него теория и практика дзэн-буддизма уже не экзотика, а мировоззренческий инструментарий. Или дивно подогнанный электронный протез, почти не отличающийся от родной руки или ноги.

Последние сто лет Запад учился не смотреть на Восток сверху вниз, учился не бояться его, учился пониманию. В литературе это движение в сторону восходящего солнца было преимущественно головным, рационалистическим (как и подобает Западу — см. таблицу) и вряд ли привело бы к созданию зоны культурного синтеза, если бы не встречное, преимущественно эмоциональное движение устремившегося к закату Востока.

Запад на Востоке

Мир стал географически единым совсем недавно — каких-то сто лет назад, с окончанием колониальных захватов. Тогда же повсеместно утвердился европоцентристский взгляд на историю и культуру человечества, взгляд настолько однобокий

¹ Перевод А. Кистяковского

² Три ошибки в одной строчке: не «Изанаги», а «Идзанаги»; не «читала», а «читал»; не «Моногатори», а «Моногатори».

³ Перевод Г. Кружкова.

и несправедливый, что господство его не могло быть долговечным и в настоящее время распадается на наших глазах.

В дальневосточном цивилизационном очаге (где проживала треть населения планеты) еще полтора века назад о Западе с его парламентами, паровозами и прерафаэлитам почти ничего не знали, да и не очень-то хотели знать, а европейцев и американцев презрительно называли «варварами». Даже после того как Восток был вынужден признать крах своей политической и экономической системы и смириться с ролью «младшего брата», его долгое время привлекали лишь материальные аспекты оксидентальной цивилизации, и уж во всяком случае никак не скороспелая культура новых господ. Интерес к западной литературе возник с запозданием в несколько десятилетий, через знакомство с евроамериканской политической наукой и идеологией. Поначалу письмо западного стиля воспринималось как заморская диковина, экзотика, причем до такой степени малопонятная, что ее требовалось адаптировать, приспособлять к местной литературной традиции. Первые переводчики обычно не столько переводили, сколько переписывали западные романы, в результате чего те преобразались до неузнаваемости. К примеру, в Китае «Жижина дяди Тома» получила название «Черный раб зовет к небу», «Дон Кихот» почему-то превратился в «Жизнеописание рыцаря-сатаны», а «Путешествия Гулливера» — в «Записки о павильонах и лабиринтах за морем». Досталось и русской литературе, которую переводили с английских или французских переводов. В Японии в 1883 году «Капитанская дочка» (автор — Пусикин) вышла в свет под названием «Сердце цветка и думы бабочки. Удивительные вести из России», при этом, чтобы не пугать читателя непривычными русскими именами, Машу превратили в Мэри, а Гринева и вовсе в Смита. Первый японский перевод «Войны и мира» был озаглавлен «Плач цветов и скорбящие ивы, последний прах кровавых битв в Северной Европе».

Однако период привыкания к западному образу мышления и западной эстетике продолжался не так уж долго — ровно столько, сколько понадобилось туземным элитам, чтобы дать своим отпрыскам европейское образование (в Индии, Японии, Индокитае это произошло быстрее, в консервативном Китае медленнее). Для Востока итоги подобного культурного переворота были одновременно великим благом и существенной утратой: с одной стороны, появление новой озаглавленной элиты стало стимулом для сближения цивилизаций; с другой — отучившись в Кембриджах и Сорбоннах, образованные люди Востока поголовно заразились европоцентризмом, тем самым невольно превратившись в распространителей вируса расовой и культурной неполноценности.

«Будто посланники небес, британцы проникли сквозь проломы в разрушившихся стенах нашего дома и принесли нам веру в то, что и мы нужны миру... Динамизм Европы взял приступом наши пассивные умы. Он подействовал на нас, как ливень из тучи, пришедшей издалека, действует на пересохшую землю, пробуждая в ней жизненные силы». Рабиндранат Тагор.

Триумфальное вторжение западной литературы в ум и сердце Востока началось в первом десятилетии XX века. Нам должно быть лестно, что важную роль в этой культурной экспансии сыграли произведения русских писателей, оказавшие немалое воздействие на формирование современных литератур Индии и Китая, а Японию даже превратившие в своего рода литературную колонию России. Сами японцы в начале века говорили, что, победив русских в войне, были наголову разбиты ими в литературе. Не будет преувеличением сказать, что Тургенев, Толстой, Чехов, Достоевский стали для японцев своими, вполне японскими писателями. Согласно издательской статистике, в 1910-е годы в Японии ежегодно переводилось в среднем сто пятьдесят (!) русских произведений, в том числе и авторы второго, третьего и четвертого ряда. Одно из последствий увлечения Россией — изобилие в Японии массовых литературных ежемесячников: это единственная, кроме нашей, страна, где прижилась и процветает совершенно русская традиция толстых журналов.

«Особой популярностью среди студентов пользуются лекции по русской овощеводологии... Огурцы великой России не имеют примитивного цвета. Их цвет совершенен, он подобен цвету жизни. О-о, огурцы великой России!»¹ Р.Акутагава (новелла «Уди-

¹ Перевод И.Вардуля.

вительный остров», где литературы различных стран аллегорически уподоблены овощным культурам).

На протяжении всего XX века наблюдается странный феномен: Восток взахлеб читает западную литературу — и на языке оригинала, и в переводе, — а восточная литература проникает на Запад лишь скудными ручейками, да и то в немалой степени благодаря политически корректным усилиям Нобелевского комитета, увенчавшего лаврами полдюжины азиатских и африканских писателей, имена которых до момента увенчания западному читателю были по большей части неизвестны. XX столетие — эпоха страстной и в общем-то безответной любви Востока к Западу, любви, доходящей до обсессии, когда хочется во всем быть похожим на любимого и всё-всё делать, как он, — так же жить, так же одеваться, говорить на том же языке, питаться той же телесной и духовной пищей.

Один из плодов этой так и не добившейся полной взаимности страсти — литературный андрогинизм, и совершенно неудивительно, что почти все его адепты (уже довольно многочисленные — см. Приложение к следующей главе) происхождения восточного, а не западного. Исключения единичны — например, известный японский писатель, американец по происхождению, Хидэо Леви (р. 1950).

Новый андрогин

Первоначальный андрогин, первочеловек, наш с вами предок, был могуч, совершенен и горд.

«... Тело у всех было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано». Платон. «Пир»¹.

За гордость андрогини, как известно, и пострадали — Зевс разрубил каждого пополам, причем, что для нас важно, разрубил *вдоль* (стало быть, по меридиану), и с тех пор левая и правая (стало быть, западная и восточная) стороны стремятся друг к другу, а когда встречаются, происходит магическое слияние — Эрос.

Новая «восточнозападная» литература обладает явными признаками андрогинности: при одной голове у нее два лица (одно обращено к восходу, второе к закату), два сердца, двойное зрение и максимально устойчивый опорно-двигательный аппарат. Еще ей свойственна повышенная витальность, несколько диссонирующая с вялой доминантой литературы fin de siècle, но вполне объяснимая, если не забывать об эффекте магического слияния. Андрогини конца XX века — первые лазутчики племени, которое, очевидно, будет задавать тон в культуре грядущего столетия. Нет, не лазутчики, а скорее первые ласточки, ибо они имеют свои гнездовья, каковых на сегодняшний день насчитывается по меньшей мере три.

Первый их этих «птичьих базаров», разумеется, — Соединенные Штаты, страна иммигрантов со всех континентов, а в последние десятилетия в первую очередь именно с Востока. Бережное отношение к зарождающейся андрогинной литературе — одно из положительных последствий торжества политической корректности. Однако скоро нужда в этой няньке, видимо, отпадет. Андрогинная литература мощно набирает темп, беря если не качеством, то количеством, и в скором времени, наверное, совсем забудет малокровную WASPовскую.

Тот же процесс, но стихийный и оттого еще более убедительный, происходит в Англии, куда со всего Британского содружества стекаются новые англичане самого разного цвета кожи и разреза глаз. В последние годы писатели-иммигранты фактически монополизировали Букеровскую премию. Лондон становится очень странным городом, где в знакомом по гравюрам и учебникам интерьере преобладают смуглые лица и звучит певучая, разноакцентная английская речь. Благодаря притоку свежей инносоставной крови британская литература сегодня лучшая в мире, что, кстати, за-

¹ Перевод С. Апта.

метно и по количеству переводов на страницах «ИЛ».

Привилегированность двух этих очагов нового андрогинизма зиждется на англофонности. Английский стал языком международного общения, латынью XX века, поэтому голос англоязычных писателей-андрогинов слышен в сегодняшней литературе лучше всего. Однако есть и третья зона культурного симбиоза Востока и Запада, менее заметная миру, но зато самая массовая, где дикий существа двуединой природы водятся в изобилии. Речь идет о Японии, целой стране, стремительно превращающейся в андрогины. Японию теперь не относят ни к Востоку, ни к Западу, она как бы сама по себе. За тридцать лет благополучия и пятьдесят лет американизации выросло и возмужало новое поколение, которое не только на 20 сантиметров выше своих родителей, но, что более существенно, ориентировано на иную систему ценностей. От Японии гораздо ближе до Америки и Европы, чем до расположенного по соседству азиатского материка. У японцев новой генерации (характерно, что ее называют «син-дзинруй», «новое человечество») своя литература, которую японская критика нарекла «кросскультурной», а писателей — «культурными метисами», то есть теми же андрогинами.

Подбор художественных текстов, представленных в «Литературном гиде», честно отражает современную географию литературного андрогинизма: один автор из британского питомника, один из американского, один из японского.

По пестроты культурных составляющих всех затмевает В.С.Найпол (р. 1932), «англотринидадский писатель индийского происхождения» (следует еще и учитывать симбиотический характер тринидадского компонента его генеалогии, в свою очередь сложившегося из европейского, азиатского, африканского и карибского элементов). Найпол — писатель истинно британский, потому что получил оксфордское образование, большую часть жизни провел в Англии, написал ряд чисто английских произведений (например, «лондонский» роман «Mr. Stone and the Knights Companion»), за заслуги перед культурой Великобритании возведен ее величеством в рыцарское достоинство и вообще-то по-правильному должен именоваться «сэр Видиадхар Сурадхипрасад». Найпол — писатель безусловно тринидадский, потому что родился на этом маленьком острове и большинство его книг относятся к вест-индскому циклу. И еще Найпол — писатель индийский, потому что его предки-брамины приехали из Индии, семья сохранила верность национальным традициям и индуизму, и для писателя тема Индии и индийской диаспоры всегда была магистральной («Зона мрака», «Индия — раненая цивилизация», «Излучина реки»). В свои 64 года Найпол является старейшиной среди андрогинов. Он повсеместно (и давно, уже лет сорок) почитаем и любим, обаяние его стиля покорило и Запад, и Восток. Найпола охотно переводили даже в Советском Союзе, несмотря на явную идеологическую невыдержанность.

«Хотя в некоторых из последних своих книг В.С.Найпол односторонне оценивает процессы, происходящие в «третьем мире», творчество его в целом отличает интерес к социальной проблематике и своеобразный острый юмор» (текст с обложки сборника «Улица Мигель». Библиотека «ИЛ», 1984).

Новая книга «Дорога в мир», главы из которой предложены вниманию читателя, принадлежит к вест-индскому циклу и пользуется не меньшим успехом, чем предыдущие. Критика традиционно благосклонна, ни одной отрицательной рецензии в литературной прессе обнаружить не удалось, общий тон сдержанно-восхваляющий. Столь бережное отношение критиков — верная примета грядущей нобелизации. Вот пройдут положенные десять лет после увенчания карибца Дерека Уолкотта, и сэр Видиадхар непременно станет первым из андрогинов-нобеленосцев.

Однако самый знаменитый из восточнозападных писателей, да и вообще самый часто поминаемый из ныне живущих литераторов вовсе не В.С.Найпол, а Сальман Рушди (р. 1947), хотя такая всемирная известность его наверняка не радует. Уже шесть лет на Рушди идет беспрецедентная и постыдная охота, поэтому новый монументальный роман «Прощальный вздох мавра»¹, написанный в подполье, — это, выра-

¹ Редакция намеревалась украсить номер переводом этого романа, но из-за затянувшихся переговоров с литературным агентством «Айткен, Стоун энд Уайли» вынуждена перенести эту публикацию на 1997 год.

жаясь языком ностальгическим, настоящий Подвиг Художника. Все это понимают и, хотя «Мавр» понравился далеко не всем, высказывают критические замечания в адрес романа очень тактично.

Рушди, британский гражданин индопакистанского происхождения, принадлежит трем культурам — индийской, исламской и европейской (родился в Бомбее, половину детства провел в Пакистане, вырос и стал писателем в Лондоне). Узорчатую, пряную прозу Рушди, перенасыщенную персонажами и необязательными фабульными ответвлениями, часто упрекают в композиционной рыхлости и чрезмерной орнаментальности, но подобная оценка — чистейшей воды западничество. Неповторимый стиль Рушди синтезирует две повествовательные традиции, западную и восточную, оксидентальную линейность развития сюжета и ориентальную лабиринтность в духе «Тысячи и одной ночи». Главный герой, Мораиш Зогойби, южноиндеец португальско-еврейского происхождения, подозрительно похож на безжалостную автокарикатуру писателя.

Рушди вводит в литературоведческий обиход термин «палимпсест», тем самым явно давая пас критикам и интерпретаторам своего романа. В «Мавре» палимпсестом назван способ писания картин, когда холст намеренно делается многослойным: сначала художник пишет одну картину, потом поверх нее — другую. Глядя на верхнюю картину, зритель все время помнит о незримом присутствии нижней, которую, впрочем, можно восстановить, уничтожив наружный слой краски. Очевидно, Рушди предлагает трактовать свой литературный стиль именно таким образом — как Запад, нанесенный поверх Востока (или Восток, нанесенный поверх Запада?). Однако с большей точностью палимпсесту можно было бы уподобить творческий путь писателя в целом. Каждый из романов Рушди был написан так, словно он хотел выгеснить из памяти, «закрасить» романы, опубликованные прежде. Шумный успех «Детей полуночи» заставил критику забыть о неудаче первого романа, «Гримус», и зачислить Рушди в «элитарные англоиндийские писатели». «Пакистанский» роман «Стыд»¹ внес коррективы — элитарный, но не англоиндийский, а англопакистанский (помню долгие дискуссии в афро-азиатском отделе редакции «ИЛ» по поводу национальной принадлежности тогда еще не очень известного писателя). «Сатанинские стихи» заставили забыть и об элитарности, и обо всем написанном ранее. «Мавр» же — попытка совершить невозможное, заслонить «Сатанинские стихи» еще более яркой цветовой гаммой. Сальман Рушди — очень смелый человек. А еще вероятнее, он, как всякий истинный художник, страдает синдромом дефицита инстинкта самосохранения. Иначе не объяснишь рецидивизм очернителя, который на сей раз не задевает чувства мусульман, но зато бросает камни сразу в трех разных направлениях: в англиканскую церковь, сатирически обобщенную в персонаже пастора д'Эта (впрочем, этот выпад сравнительно безопасен); в евреев, ибо главный злодей — классический сатанинский еврей Авраам, будто сошедший со страниц «Протоколов сионских мудрецов» (это ужасно не понравилось литературным критикам); в индийских националистов, поскольку в отвратительном Рамане Филдинге без труда узнается вождь индуистских радикалов Бэл Теккерей (а это уже опасно и может привести к новому витку травли). Первый результат налицо — в Индии на ввоз «Мавра» фактически наложен запрет. Кошунственная легкость и сверхъестественная мобильность андрогина («колесом, заноса ноги вверх и перекатываясь на восьми конечностях»²) статичному Востоку непонятна и антипатична.

Новый Свет относится к андрогинизму куда приятней, что подтверждается счастливым примером американокитаянки Эми Тан (р. 1952). Шесть лет назад произошло традиционное американское чудо: 37-летняя желтокожая золушка, тихая секретарша из офиса, любившая писать знакомым увлекательные письма, обратила на себя внимание доброй феи (влиятельного литагента); фея заказала золушке книгу, книга стала всеамериканским бестселлером, ее перевели на иностранные языки, сделали экранизацию, и на американском литературном небосклоне 90-х засияла новая яркая звезда по имени Эми Тан. Рождение звезды — всегда чудо, и Эми Тан моментально обросла легендами. Журналы с удовольствием пишут о ее «иньских» глазах, способных видеть призраки, о чудодейственном поле, окружающем писательницу, — в нем вроде бы изменяются цвета, раздаются неземные звуки, происходят элек-

¹ «ИЛ», 1989, № 8—9.

² Перевод С.Апта.

тразамыкания, а у интервьюеров ломаются магнитофоны. Но эти пикантности — из разряда паблсити, то есть не причина успеха, а его следствие. Секрет же феноменальной популярности обаятельного романа «Клуб радости и удачи» — в его умеренной китайскости, не отпугивающей американского читателя инакостью, а вполне понятной и как бы даже ласкающей. Шестнадцать монологов, объединенные в роман и стилистически имитирующие средневековые китайские любовные новеллы, обладают всеми нужными ингредиентами американского бестселлера 90-х: это и столь чтимый американцами жанр поиска корней, и познавательной, но легкое чтение о «важной» зарубежной культуре, и (что необходимо для престижа) интеллектуальное приключение, то есть все-таки настоящий литературный текст, а не чтиво. Успех «Клуба» стал для американских издательств стимулом к поиску и рекрутированию новых андрогинных писателей из числа азиатских иммигрантов первого и второго поколения¹. Звезды, равной по масштабу Эми Тан, пока не обнаружено, но звездочек поменьше уже довольно много, а главные открытия, несомненно, впереди.

Единственный неанглоязычный прозаик номера — японка Ёко Тавада (р. 1960). С ранней юности она живет в Германии, стала билингвальной и в последнее время пишет не только по-японски, но и по-немецки. Повесть «Собачья невеста» получила в 1993 году главную японскую литературную награду — премию имени Акутагавы, что отражает общую тенденцию к космополитизации японского литературного истеблишмента. В 90-е годы приверженцы «кросскультурного» направления задают тон в литературе. Сам главный японский писатель Кэндзабуро Оэ по стилю абсолютно окцидентален и своими учителями называет Блейка, Бахтина и Йейтса.

Явных примет андрогинности в повести Ёко Тавады вроде бы нет: действие происходит в Токио, все персонажи — японцы. Однако «кросскультурность» этого произведения тем не менее совершенно очевидна. Полагаю, читатель без труда узнал в загадочно появившейся и столь же загадочно исчезнувшей учительнице Мицуко нашу старую знакомую Мэри Поппинс. Узнаваем и пародийный набор тем «политической корректности», так замучившей западного писателя: развенчание антропоцентризма; «животное-товарищ» неординарной сексуальной ориентации; «все, что естественно, — нестыдно»; «альтернативно одаренный ребенок»; права сексуальных меньшинств; загрязнение окружающей среды и прочее, и прочее. В общем, перед вами совершенно западный текст, только в оригинале он написан иероглифами, в столбик и справа налево.

Один спецвыпуск, естественно, не может охватить всю палитру современной андрогинной литературы (в частности, за рамками журнального номера остался франкофонный очаг, пусть менее обширный и интернационально восславленный, чем англоязычные, но тоже яркий и культурно значимый). Посему в качестве приложения к этой главе вниманию читателей предлагается

Список прочих именитых андрогинов, попавших в поле зрения автора статьи

Имя	Страна	Язык
Амин Маалуф	Франция/Ливан	французский
Анна Огино	Япония	японский
Бен Окри	Англия/Нигерия	английский
Бхарати Мукерджи	США/Индия	английский
Викрам Сет	Индия	английский
Кадзуо Исигуро	Англия	английский
Майкл Ондаатжи	Канада	английский
Масахико Симада	Япония	японский
Рут Джаввала	Индия	английский
Тахар Бен Джеллун	Франция/Марокко	французский
Тимоти Мо	Англия	английский
Ханиф Курейши	Англия	английский
Харуки Мураками	Япония	японский
Хидэо Леви	Япония/США	японский

¹ См., например, рассказы из антологии «Образы Америки» («ИЛ», 1994, № 11).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Еще раз (не последний) об энтропии

«Еще раз» — потому что в одном из недавних номеров¹ журнал уже обращался к этой теме, исследуя кодировку одноименного рассказа Томаса Пинчона, для творчества которого понятие Термодинамического Затухания Жизни является ключевым. А «не последний» — потому что в будущем энтропия обещает стать главной проблемой человечества и о ней еще много будут писать и спорить, называя это явление самыми разными терминами.

ЭНТРОПИЯ(S) — функция состояния термодинамич. системы, изменение Э. (dS) в равновесном процессе равно отношению количества теплоты (dQ), сообщенного системе или отведенного от нее, к термодинамич. темп-ре (T) системы. Неравновесные процессы в изолированной системе сопровождаются ростом Э., они приближают систему к состоянию равновесия, в котором S максимальна (СЭС, 1983).

Тех, кому это определение кажется непостижимо сложным, отсылаю к статье С. Кузнецова, который объясняет смысл понятия простыми и доступными гуманитарно словами. Нас же энтропия — толкуемая в самом расширительном и символическом смысле — сейчас интересует как общий алгоритм движения современного мира, алгоритм, одним из частных проявлений которого является рождение нашего героя, нового андрогина. В самом расширительном и символическом смысле энтропия — антипод двоичности и полярности, на которых до сих пор держался наш мир. Энтропия — это постепенное отмирание противостояния, конфликта, встречное движение Инь и Ян. Энтропийные процессы разворачиваются на наших глазах, охватывая наиболее благополучные (то есть цивилизационно продвинутые) регионы Земли. Там сжимаются все традиционные амплитуды, стираются казавшиеся непреодолимыми различия между «иметь и не иметь» (все население превращается в средний класс), между городом и деревней (основная масса жителей концентрируется в пригородах), между индустрией и сельским хозяйством, даже между полами (происходит феминизация мужчин и маскулинизация женщин — прямое движение к андрогину). При этом мало кем оспаривается, что нормальному человеку лучше живется именно в этой энтропийной зоне планеты, то есть человечество взирает на происходящий процесс с одобрением, а те, кто наблюдает за ним извне, — и с завистью, мечтая идти тем же путем. Амплитуда колебаний — социальных, экономических, политических — в таком завидном обществе затухает, жить там становится сытно, спокойно, приятно, но немножко скучно, в связи с чем юношей и девушек в период формирования личности тянет путешествовать в неблагоприятные регионы — в тамошнем хаосе вроде бы больше жизни.

Быстрее всего процесс деполяризации и слияния идет в сфере идеологии и культуры. Мы все чаще слышим и читаем о едином мире, о планетарном мышлении, о создании глобальной культуры. Существует мнение, что всплеск местного патриотизма, агрессивного национализма, религиозной нетерпимости, наблюдаемый в 90-е годы во многих уголках планеты, — это защитная реакция человечества, которое нуждается в противовесе столь быстрой универсализации. Однако эти судороги все же скорее напоминают агонию. Зона бесконфликтности, вероятно, будет раздвигаться все шире по мере распространения зоны материального благополучия, которое несет с собой большую толерантность, которая есть готовность к компромиссу, который снимает социальную и эмоциональную напряженность... И так далее.

Глобализация мировой культуры — процесс, видимо, неизбежный. Как и всё под солнцем, он имеет свои плюсы и минусы. Вот взгляд оптимистический: глобализация сумеет вернуть человеку совершенство, «сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу» (Платон). Сформируется новый человек — универсально образованный, в равной мере владеющий культурным наследием и Востока, и Запада. Людям, имеющим общий культурный багаж и общий язык (уже можно догадаться, какой именно), будет легко понимать друг друга. И все закончится хорошо.

Взгляд пессимистический: глобализация приведет (уже привела) к засилью ус-

¹ См. статью С. Кузнецова «Обучение хаосу» («ИЛ», 1996, № 3).

реденного масскульта, к утрате национальной самобытности, к обеднению и выхолащиванию культуры, к всеобщей американизации и макдональдизации. И все закончится плохо.

Истина, как обычно, обнаружится где-нибудь посередине. Во всяком случае, представленные в этом номере журнала образцы андрогинной литературы дают основание надеяться, что, бог даст, универсализация не превратит мировую культуру в универмаг.

Зарождающийся андрогинизм — симптом отрадный и вместе с тем неприятный. Слияние Запада с Востоком и все прочие слияния, как наметившиеся, так и уже произошедшие, неминуемо превращают наш мир в ту самую «изолированную систему», где энтропия необратимо растет.

Собственно, это означает, что человечество начинает стареть. Когда-нибудь оно умрет. Думать об этом грустно, но лучше уж в вялом андрогинном состоянии от прогрессирующей энтропии, чем в бодром и расколоте — от допрогрессировавшей до ядерного деления полярности.

Или не лучше?

